

О „ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МИНИМУМЕ” И „ОСНОВНОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ” РУССКОГО ЯЗЫКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Пражского отделения
Международного научного фонда Research Support Scheme of the Open Society
Support Foundation (грант № 148–2000)*

Экспериментальные методы изучения современного состояния, количественного и качественного состава и других лингвистически значимых квантитативных характеристик корпуса паремиологических единиц языка получили свое начало и, как это обычно считается, образцовое воплощение в рамках структурной паремиологии. Речь идет прежде всего о таком заметном (а в свое время и, без преувеличения, революционном) явлении в паремиологии, и вообще в лингвистике, как знаменитый „паремиологический эксперимент” Г. Л. Пермякова (на материале русского языка), ставшим впоследствии основанием (прежде всего в рамках лингвострановедческой теории афоризма) для определения состава афористических единиц не только русского языка, но и языка вообще (ср. *Верещагин, Костомаров* 1990: 73).

Сам эксперимент, о чем стоит еще раз напомнить, проводился в два этапа. На первом этапе группе информантов было предложено указать неизвестные им выражения из списка 1494 русских паремий, которые можно было бы, по мнению автора эксперимента, отнести к наиболее употребительным в настоящее время. На этом этапе было получено более 300 ответов. В ходе второго этапа эксперимента уже другой группе информантов (около 100 человек) было предложено уже 538 изречений, подобранных Г. Л. Пермяковым, около 90% которых проявили на первом этапе наивысшую степень известности. Однако на этот раз информанты должны были самостоятельно дописать недостающий фрагмент паремии, которая была задана только своей начальной частью. Ср.: *Обещанного – ?...* (← *Обещанного три года ждут*); *Сказано – ?...* (← *Сказано – сделано*); *Тише едешь – ?...* (← *Тише едешь – дальше будешь*) и т.п.

Главной целью эксперимента было выявить так называемый „паремиологический фонд” (корпус наиболее употребимых паремий) и „паремиологический минимум” русского языка – минимальный состав пословиц, поговорок и других устойчивых изречений, известных всем носителям русского языка, – объем которого в итоге не превысил 500 единиц (*Пермяков* 1988: 154–166).

Лингвистическая значимость „паремиологического эксперимента” состоит не столько в том, что с его помощью удалось определить объем наиболее употребимых русских пословиц, поговорок и других устойчивых речений и вообще решить проблему выявления ядерного состава паремиологического фонда того или иного конкретного идиома, сколько в том, что эксперимент дал богатейшие статистические данные и выдвинул множество новых вопросов как в области “социологии пословиц” (ср., например, Крикман 1995), так и лингвистики афоризма.

Несмотря, однако, на всю свою методологическую оригинальность, поистине гениальную простоту и совершенно уникальную масштабность „паремиологический эксперимент” как, впрочем, и всякий первый опыт оказался несвободен от определенных неточностей и ошибок.

Легко заметить, например, что уже сам отбор исходного паремиологического материала для эксперимента носил во многом (если вообще не целиком) субъективный характер, поскольку основным критерием определения объема корпуса исходных паремий выступала языковая компетенция исследователя, а не объективные лингвистические и экстралингвистические факторы (в том числе, что самое главное, и на втором этапе эксперимента даже несмотря на наличие промежуточных результатов, которые были учтены, как уже говорилось, только на 90 %).

Кроме этого, место проведения эксперимента было территориально ограничено (только Москвой и Московской областью), а персональный состав информантов не был сбалансирован ни качественно, ни количественно (более 300 участников на первом этапе и только около ста – на втором), что, безусловно, не могло не повлиять на результаты “паремиологического эксперимента”.

Столь серьезные нарушения чистоты и широты эксперимента не позволяют распространять его результаты на весь паремиологический состав русского языка, так как степень общеизвестности и распространенности пословиц и поговорок, входящих в „паремиологический минимум” Г. Л. Пермякова, значима только в рамках языкового материала данного эксперимента, только, как совершенно справедливо заметил А. Крикман, для „данного региона России” (см. Крикман 1995: 340), и только в отношении той группы носителей языка, которые были избраны информантами. Это легко иллюстрируется примерами действительно общеизвестных русских пословиц и поговорок, которым не нашлось места в составе выявленного Г. Л. Пермяковым „паремиологического минимума” русского языка. Ср.: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Пар костей не ломит; Хороша Маша, да не наша* и т.п. В то же время среди единиц „паремиологического минимума” можно найти ряд весьма сомнительных в отношении своей известности каждому русскому человеку пословиц и поговорок. Ср.: *<Во всём> виноват стрелочник; Из искры – пламя; Нет розы без шипов* или *Розы без шипов не бывает* (ср. аналогичную английскую пословицу *There is no Rose without a thorn*, которая действительно входит в число 800 самых употребимых английских пословиц и поговорок, см. *Ridout, Witting* 1969: Prou. 663); *Шутка и шуткой, а дело делом* и т.п. (см. Пермяков 1988: 155, 156, 158, 162).

В связи с определением понятия паремиологического минимума естественно возникает вопрос о соотношении последнего как со всем корпусом паремиологических единиц, так и с „основным паремиологическим фондом”, понятие которого,

в свою очередь, требует специального определения (ср. Иванов 2001).

Согласно Г. Л. Пермякову, „в паремиологическом минимуме должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом. Он должен содержать все типы паремий (с тем, чтобы правильно и равномерно отразить все их смысловые функции) и все возможные типы грамматических (лексико-синтаксических) конструкций“. И далее, „паремиологический минимум какого-либо языка (народа) – это в миниатюре (сокращении до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т.е. имеет основной набор его реалий, полный набор логических конструкций и набор его лингвистических образцов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) вообще“ (Пермяков 1988: 212–213).

Столь смелую универсализацию качеств „паремиологического минимума“ Г. Л. Пермяков не успел, к сожалению, подкрепить соответствующими эмпирическими данными, что, однако, не лишило бы ее некоторых очевидных и весьма существенных противоречий. В частности, „паремиологический минимум“ может и не отражать все возможные структурные и семантические типы афоризмов в каждом из данных языков, поскольку в существующем своем понимании качественно ограничен только новейшим языковым материалом и во многом детерминирован экстралингвистическими факторами (социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм и т.п.). По этим же причинам „паремиологический минимум“ не должен, вопреки мнению Г. Л. Пермякова, совпадать по своему составу с „основным паремиологическим фондом“ языка (resp. объективно не может „иметь основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка“).

В связи с последним требует специального определения такое понятие, как „основной паремиологический фонд“ языка. Категориальным признаком единиц „основного паремиологического фонда“ следует считать их устойчивость во времени, поэтому главным критерием включения той или иной паремии в состав „основного паремиологического фонда“ будет являться ее фиксация как в наиболее ранних паремиологических собраниях, так и в современных паремиологических справочниках.

Например, в „Словаре русских пословиц и поговорок“ (1991) В. П. Жукова и в первом из известных рукописных сборников русских паремий XVII века „Повести, или Пословицы всенароднейшыя по алфавиту?“, где совпадает 209 пословиц и поговорок (без учета их вариантов), функционирующих в русском языке на протяжении как минимум последних трех столетий. Ср., в частности следующие известные паремии, полностью сохранившие свой лексико-грамматический состав (здесь и далее с указанием номера соответствующей пословицы в сборнике XVII века по изданию П.Симони 1899): *Ворон ворону глаз не выклюет* Ъ *Ворон ворону глаза не выключет* (405); *Где тонко, там и рвется* Ъ *Где тонко там и рвется* (577); *Голод не тетка* <, *пирожка не подсунет* Ъ *Голод не тютка пирожка не подсунет* (599); *Дальние (долгие) проводы – лишние слезы* Ъ *Далние проводы лишние слезы* (795); *Как (сколько) волка ни корми, <a> он все в лес глядит* ⇐ *Колко волка ни кормить а он к лесу глядит* (1365); *От добра добра не ищут* ⇐ *От добра добра не*

ищут (2539); *Охота пуще неволи* ← *Охота пуще неволи* (1839); *Пар костей не ломит* ← *Пар кости не ломит* (1910); *Соловья баснями не кормят* ← *Соловья басни не кормят* (2131); *Тише едешь, дальше будешь* ← *Тише поидеши дале будеш* (2240); *У страха глаза велики* ← *У страху гла[за] велики* (2298); *Утро вечера мудренее* ← *Утро вечера мудренее* (2315); *Чем (что) дальше в лес, тем (то) больше дров* ← *Дале в лес болше дров* (747); *Чему быть, того (тому) не миновать* ← *Чему быть тово не минуть* (2606); *Что посеешь, то и пожнешь* ← *Каково посеем таково и пожнем* (1376) и т.д.

При этом, однако, неизбежно возникновение, по крайней мере, двух весьма серьезных проблем.

Первая из них связана с ограничением встречаемости той или иной паремии в новейших источниках (не ранее второй половины XX века). Ср., например, отсутствие в упомянутом паремиологическом словаре В. П. Жукова следующих функционирующих в современном русском языке пословиц и поговорок, зафиксированных в первом рукописном сборнике русских паремий XVII века „*Повести, или Пословицы всенароднейшыя по алфавит?*” (по изданию П. Симони 1899): *Вода путь найдет* ← *Вода путь найдет* (379); *Где шьют, там и порют* ← *Где шьют там и порют* (585); *Говорил день до вечера, а слушать нечего* ← *Говорил день до вечера а слушать нечево* (638); *Говори, да не заговаривайся* ÷ *Говори да не проговариваиця* (640); *Жить весело, да есть нечего* ← *Жить весело да есть нечево* (907); *За что батька, за то и детки* ÷ *За что батко за то и детки* (1111); *Какова пряха, такова на ней и рубаха* ← *Какова пряха такова на ней и рубаха* (1333); *Не только свету, что в окошке* ← *Не толко свету что в окошке* (1650); *По привету и ответ* ← *По привету и ответ* (1927); *Хлопот полон рот <, а перекусить нечего>* ← *Хлопот полон рот а перекусить нечево* (2410) и т.п. Хотя при этом В. П. Жуков широко приводит устаревшие пословицы и поговорки, многие из которых давно вышли из употребления по причине утраты ими своей эпистемологической актуальности.

Отсутствие фиксации той или иной паремии в наше время может свидетельствовать как о ее выходе из употребления вообще, так и о ее выходе лишь из активного состава паремиологических единиц данного языка в его современном состоянии. В этом смысле „основной паремиологический фонд” языка удобно представлять в виде полевой структуры, имеющим в диахронической перспективе свое ядро, свою периферию и свой маргинез. Основными источниками факгического материала в определении ядра „основного паремиологического фонда” данного языка могут быть только те паремиологические источники, которые являются наиболее репрезентативными как по количеству, так и по принципам отбора единиц, и достоверно отражают состояние языка в разные периоды его истории.

В отношении последнего, кстати, единственный пока фундаментальный лингвистический словарь русских пословиц и поговорок В. П. Жукова также не является в достаточной мере репрезентативным, поскольку в нем несмотря на декларированное последовательное сопоставление каждой современной пословицы или поговорки с формами тех же пословиц и поговорок, зафиксированными в „наиболее авторитетных” паремиологических сборниках, в том числе и в издании „*Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX*”

столетий” (1899) П. Симони, отсутствует целый ряд необходимых параллелей из упомянутого рукописного сборника русских паремий XVII века „Повести, или Пословицы всенароднейшыя по алфавиту”. Ср.: Береженого <и> бог бережет ⇐ Бережливого коня и зверь в поле не бьет (342); В <чистом> поле четыре воли <, хоть туда, хоть сюда, хоть инаково> ⇐ В поле воля (543); Волков (волка) бояться – в лес не ходить ⇐ Боятся волков быть без грибков (262) и Треску бояцца и в лес не ходить (2285); Долго спать, с долгом встать или Долго спать – долг (долгу) наспать или Спать долго – встать (жить) с долгом ⇐ Долго спать долг наспать (768); Думы за горами, а беда (смерть) за плечами ⇐ Мысль человека за горами а смерть его за плечами (1505); Жизнь не по молодости, смерть не по старости ⇐ Мрут люди не по старости а живут оне не по младости (1494); За морем телушка – полушка, да рубль перевоз (перевозу) ⇐ За морям карова по деньги да провоз дорог (1048); Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой ⇐ Лучший хлеб с водою а не пирог с бедою (1439); Не место красит человека, а человек место ⇐ Место человека не просветит но человек место (1520); Незванный гость хуже татарина или Не вовремя (не в пору) гость хуже татарина ⇐ Не зван гость дуче и званова (1757); Новая метла чисто метет ⇐ Новая метелка чистенко метет (1643); Семеро одного не ждут ⇐ Двое одново не ждут (790); Скрипучее дерево два века живет ⇐ Скрыпучее дерево стоит а здоровое летит (2138); <Хоть> видит око (глаз), да зуб неймет ⇐ Глаз видит да зуб не имет (566); Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала ⇐ Чья бы корова мичала а твоя за двое молчала (2586) и т.п.

Более чем показательно в этом смысле и игнорирование в словаре В. П. Жукова ряда вариантов старинных пословиц и поговорок, помещенных в рукописном сборнике XVII века „Повести, или Пословицы всенароднейшыя по алфавиту”, как правило, отдельно друг от друга. Ср. (по изданию П. Симони 1899): Знать сокола по полету (1061) к пословице Видна птица по полету или Видно птицу (сокола, сову) по полету или Знать (видать) птицу (сову) по полету ⇐ Знать сова по перью (1062); Увсякова молодца своя ухватка (2374) к пословице Всякий (всяк) молодец на свой образец ⇐ Всякои молодец на свой образец (487); Через силу и конь не скачит (2591) к пословице Выше меры (через силу) и конь не скачет ⇐ Выше меры и конь не скачет (407); Красень долг платежем (1252) к пословице Долг платежом красен ⇐ Заем красен платежем (1094); Овцы бы целы а волки бы сыты (1821) к пословице И волки сыты, и овцы целы ⇐ Волки бы сыты а овцы бы целы (442); По платью встречают а по уму провожают (1921) к пословице По платью (по одежке) встречают, по уму провожают ⇐ Встречют гостя по платю а провожают по уму (452); Давно то пропало что с воза упало (663) к пословице Что с возу (с воза) упало, то <и> пропало ⇐ Что с воза упало то пропало (2639); Каково кто сеял таково и пожнет (1228) к пословице Что посеешь, то и пожнешь ⇐ Каково посеем таково и пожнем (1376) и т.п.

Вторая проблема связана с наличием большого числа различных структурных модификаций одной и той же паремии в разные исторические периоды развития языка. Ср.: Без соли, без хлеба худая беседа (Жуков 1991: 39–40) ⇐ Без обеда не красна беседа и Беседа без хлеба ни пригожа ни угожа („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 238 и 275); Горбатого <одна> могила исправит (Жуков

1991: 89–90) ⇐ *Горбатаго гроб исправляет* („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 559); *Горбатаго исправит могила, а упрямаго дубина* (Русския народныя пословицы 1848: 74; Даль [1861–1862] 1984: 1: 244); *Горбатаго могила исправит* (Рыбникова 1961: 76); *Друзья познаются в беде* (Жуков 1991: 109–110) ⇐ *Друг верен в напастех познавается* („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 720); *Друг познается к нещастии* и *Друг познавается при рати, да при беде* (Русския народныя пословицы 1848: 104); *Запас кармана (мешка) не трет (не дерет)* (Жуков 1991: 125) Ъ *Запас мешка не порьтит* („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 1050); *Запас беды не чинит* и *Запас мешку не порча* и *Запас человека не портит* (Русския народныя пословицы 1848: 135); *Запас мешка не дерет* (Даль [1861–1862] 1984: 2: 4); *Кто в море не бывал, тот <досыта> богу не маливался* (Жуков 1991: 149) ⇐ *Кто на море не бывал тот от желания сердца богу не маливался* („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 1359); *Кто в море не бывал, тот и горя не видал* (Даль [1861–1862] 1984: 1: 113); *Не велик голик, а бане и он царь* (Жуков 1991: 203) Ъ *Веник в мыльне всем господин* („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 465); *Веник в бане всем господин* (Даль [1861–1862] 1984: 1: 193); *Пословица не даром (не мимо) молвится* (Жуков 1991: 263) ⇐ *Старых людей пословицы не мимо дела* („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 2103); *Старая пословица не мимо молвится* (Русския народныя пословицы 1848: 383); *Пословица недаром молвится* и *Пословица не на ветер молвится* и *Старинная пословица не мимо молвится* (Даль [1861–1862] 1984: 2: 377); *Против рожна не попрешь* (Жуков 1991: 269–270) ⇐ *Истинно не ложно против рожну прат не возможно* („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 1148); *Трудно против рожна прать* (Русския народныя пословицы 1848: 404; Даль [1861–1862] 1984: 2: 270); *Свет не клином сошелся* или *Земля не клином сошлась* (Жуков 1991: 288) Ъ *Государева земля не клином сошла* („Повести, или Пословицы...” по изданию П. Симони 1899: 579); *Перед нами свет не клином сошелся* или *Свет-то не углом (не клином) сошелся* или *Тут свет клином сошелся, а также Стой! белу свету край* и т.д. (Даль [1861–1862] 1984: 1: 217; 2: 53) и т.п.

Структурные модификации одной и той афористической паремии в ее филогенезе следует квалифицировать как своего рода диахроническую парадигму, детерминированную неизменностью плана содержания данного афоризма на всем протяжении исторического развития языка. При этом внешняя форма афоризма, разумеется, может изменяться, но лишь несущественно, не достигая того предела, когда нарушается соотношение его плана выражения и плана содержания (как в диахронии, так и в синхронии).

В составе „паремиологического минимума” Г. Л. Пермякова и вышеупомянутом списке 209 пословиц и поговорок, употребимых в русском языке с начала XVII века, насчитывается только 82 случая совпадений. Если исключить устаревшие пословицы и поговорки (в количестве 15 единиц), то число паремий, за последние три столетия не претерпевших существенных структурных и функциональных изменений, но не вошедших в паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, составит 113 единиц. Среди них немало таких, в общеизвестности и, соответственно, общеупотребимости, которых усомниться крайне трудно. Ср.: *Бог (господь) не выдаст, свинья не съест*;

Бог даст день, даст и пищу; Были бы кости, а мясо нарастет (будет); Быть бычку на веревочке; Ворон ворону глаз не выклюет; Всем сестрам по серьгам; Давши слово, держись, а не давши, крепись; Дальние (долгие) проводы – лишние слезы; Девичий стыд до порога <, а переступила, так и забыла>; Дитя не плачет, мать не разумеет; Дураков не сеют, не жнут, сами родятся; Запас кармана (мешка) не трет (не дерет); Знай сверчок свой шесток; На миру (на людях, с людьми) и смерть красна; Не спросясь (не зная) броду, не суйся в воду; Пар костей не ломит; Пеший конному не товарищ; Плетью обуха не перешибешь; По Сеньке <и> шапка <, по Ереме колпак (кафтан)>; Повинную голову <и> меч не сечет; Свой своему поневоле друг (брат); Седина в бороду (в голову), <а> бес (черт) в ребро; Собака лает, ветер носит; Хлеб-соль ешь, а правду режь и т.д.

Таким образом, на примере сравнения наиболее употребимых русских пословиц и поговорок в диахронии и в синхронии вполне очевидно, что (а) декларируемый здесь „основной паремиологический фонд” не меньшая реальность, чем „паремиологический минимум” языка, что (б) „основной паремиологический фонд” и „паремиологический минимум” языка не совпадают полностью ни качественно, ни количественно, и что (в) именно состав „основного паремиологического фонда”, благодаря безусловной объективности своего существования, может и должен (вопреки Г. Л. Пермякову) содержать „основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка”.

В этой связи наиболее актуальным в современной паремиологии видится не столько бесконечное уточнение способов определения „паремиологического минимума” и его квантитативных параметров (ср., например, *Durčo 2000* и т.д.), сколько разработка принципов и методики выделения „основного паремиологического фонда”, что особенно значимо для сопоставительных и типологических исследований паремий в языках мира.

Литература

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., *Национально-культурная семантика языковых афоризмов* // Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного* [1973]. 4-е изд., перераб. и доп. Москва 1990, с. 71–80.
- Даль В. И., *Пословицы русского народа [1861–1862]*: В 2 т., Москва 1984.
- Жуков В. Л., *Словарь русских пословиц и поговорок* [1966]. 4-е изд., испр. и доп., Москва 1991.
- Иванов Е. Е., К определению понятия „основной паремиологический фонд” и его соотношение с „паремиологическим минимумом” языка // Русистика и белорусистика на рубеже веков: (Вклад белорусских лингвистов, уроженцев Могилевщины, в науку): Тезисы докладов Международных научных чтений (25–26 октября 2001 г.). Могилев 2001.
- Крикман А., *Паремиологические эксперименты Г. Л. Пермякова* // *Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова*, Москва 1995, с. 338–382.
- Пермяков Г. Л., *Основы структурной паремиологии*, Москва 1988.
- Русская народная пословица и притча*, изданные И. Снегиревым, Москва 1848.
- Рыбникова М. А., *Русские пословицы и поговорки*, Москва 1961.
- Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати П. Симони. Санкт–Петербург, 1899. Вып. 1 (I–II), с. 73–162.
- Durčo P., Projekt nemecko-slovenského lexikónu paremiologického minima // *Frazeografia słowiańska: Teoria i praktyka, tradycje, terażniejszość, przyszłość: Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej (Opole 6–8 września 2000 r.)*, s. 51–52.
- Ridout R., Witting C., *English Proverbs Explained*. London 1969.